

со строго определенными требованиями. Сложившаяся ситуация сродни мысли Достоевского, которая получила первоначальное воплощение в замысле «Пьяненьких», а затем вылилась в вопль Мармеладова: «Да! меня жалеть не за что! Меня распять надо, распять на кресте, а не жалеть! Но распни, судия, распни и, распяв, пожалей его! И тогда я сам к тебе пойду на пропятие, ибо не веселья жажду, а скорби и слез!...»⁴.

Из совершившегося внутреннего переворота вытекают все последующие поступки Порфирия Владимировича. Подъем сменился изнеможением, но ночью к Порфирию опять пришла мысль о необходимости решающего шага. Он весь оказался во власти одного стремления — идти на могилку к маменьке проститься, — и оно требовало немедленного разрешения. Поэтому Порфирий Владимирович встал ночью, набросил халат и, остановившись перед образом Искушителя в терновом венце, стал всматриваться в него. Это снова оживило в нем мысли о страдании и прощении и вдохнуло в него силы. Высшее устремление души вело его, и его обыденное сознание вряд ли отдавало себе отчет в его поступках. Он выбрался из дома. Ливни талого снега и ветер, разбушевавшаяся стихия, подобная нетерпеливому, неборимому стремлению, терзавшему ему душу, встретила Порфирия. Но его порыв невозможно было сдержать ничем. Правда и Совесть, разбудившие в нем жажду прощения, толкали его вперед сквозь мглу и ливень. Порфирий вырывается из четырех стен, из головлевского гнезда и оказывается среди бесконечного пространства, где разгулялись яростные природные силы; он оказывается во власти среды совсем иной, чем та, которая окружала его постоянно, и бредет по дороге, а дорога — утвердившийся в литературе символ движения к неведомым далям, обновления, выбора, поиска. Тело Порфирия Владимировича было найдено в нескольких шагах от дороги, ему немного осталось дойти до погоста, на котором была похоронена Арина Петровна. Эта недовершенность последнего шага становится его последней характеристикой. В ней выразилось конечное отношение Щедрина к своему герою, пробужденному Правдой и Совестью, переворотившими все его существо. И этим отрицанием своего прошлого, уничтожением Иудушки Порфирием Владимировичем должно было закончиться существование Порфирия Головлева. Но не только обновления, а полного прощения и отпущения грехов не было даровано Порфирию — он слишком долго был Иудушкой.

В романе «Господа Головлевы» природная, естественная стихия выступает как некая сила, противоположная всему изображенному до этого.

Заключительная фраза романа о «сестрице» Надежде Ивановне Галкиной, которая с прошлой осени зорко следила за всем, что происходило в Головлеве, не притупляет остроту и значительность рассказанного до этого, но перестраивает повествование с напряженных и драматических событий общечеловеческого масштаба на заурядный, буднично-тон, которым должно было завершить рассказ об умирании и вырождении помещного дворянства, потому что не апологию идеи нравственного идеала, а именно эту мысль поставил Щедрин в центр повествования.

---

⁴ Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 10 томах, 1957, М., ГИХЛ, т. 5, с. 26.